

Сочива Татьяна Александровна

**ПРОБЛЕМА КОМПОЗИЦИИ "КНИГИ ТОЛКОВАНИЙ И НРАВОУЧЕНИЙ" ПРОТОПОПА
АВВАКУМА**

В статье анализируется композиция малоизученного произведения Аввакума - "Книги толкований и нравоучений". Вопреки распространенному взгляду на сочинения Аввакума как на тексты, представляющие собой свободный поток мыслей и ассоциаций, автор статьи обнаруживает внимание Аввакума к созданию определенной композиционной структуры произведения, соответствующей авторскому замыслу: в первой части "Книги" Аввакум, толкуя тексты псалмов и паремий, характеризует современную ему ситуацию, а во второй части, обращаясь к Новому завету, дает нравственные наставления, как жить в условиях преследований широким кругам народа, не принимающим церковную реформу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. III. С. 176-180. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. **Замятин Е. И.** Собрание сочинений: в 5-ти т. / сост., подгот. текста и коммент. Ст. С. Никоненко, А. Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2003. Т. 2. 592 с.
6. **Замятин Е. И.** Собрание сочинений: в 5-ти т. / сост., подгот. текста и коммент. Ст. С. Никоненко, А. Н. Тюрина. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2011. Т. 5. 559 с.
7. **Иванов В.** Собрание сочинений: в 8-ми т. / ред. Т. В. Иванова. М.: Художественная литература, 1973. Т. 1. 624 с.
8. **Кожевникова Н. А.** Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 1. С. 55-66.
9. **Комлик Н. Н.** Творческое наследие Е. И. Замятина в контексте традиций русской народной культуры. Елец: Изд-во ЕГПИ, 2000. 187 с.
10. **Костякова Л. Н.** Язык Бориса Пильняка: средства художественной выразительности. Коломна: КГПИ, 2006. 259 с.
11. **Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности:** материалы Междунар. конгресса литературоведов. К 125-летию Е. И. Замятина (5-8 октября 2009 г.) / отв. ред. Л. В. Полякова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Державина, 2009. 685 с.
12. **Любимова М. Ю.** Творческое наследие Е. И. Замятина в истории культуры XX века: автореф. дисс. ... д. культурологии. СПб., 2000. 42 с.
13. **Новиков Л. А.** Стилистика орнаментальной прозы А. Белого. М.: Наука, 1990. 181 с.
14. **Новокрещенова И. Л.** Концепты «путь», «революция», «вера» в прозе В. Иванова 1920-х годов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2007. 23 с.
15. **Павлович Н. В.** Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII-XX веков: в 2-х т. М., 2007. Т. 1. 848 с.
16. **Пильняк Б. А.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: АСТ, 2009. Т. 1. 456 с.
17. **Полякова Л. В.** Евгений Замятин в контексте оценок истории русской литературы XX века как литературной эпохи: курс лекций. Тамбов, 2000. 283 с.
18. **Профатило И. И.** Художественный мир прозы Б. А. Пильняка: дисс. ... к. филол. н. М., 2006. 184 с.
19. **Скороспелова Е. Б.** Замятин и его роман «Мы». М.: Изд-во МГУ, 1999. 192 с.
20. **Хатямова М. А.** Творчество Е. И. Замятина в контексте повествовательных стратегий первой трети XX века: создание авторского мифа. Томск: Изд-во ТГПУ, 2006. 183 с.

**LEXICO-SEMANTIC PECULIARITIES OF FIGURATIVE LINES
IN THE RUSSIAN ORNAMENTAL PROSE OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY**

Sokolova Yuliya Vladimirovna

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
demjulia@yandex.ru*

The article is devoted to investigating the specific features of ornamental prose from a new perspective – from the viewpoint of lexico-semantic peculiarity of figurative lines widely represented in ornamental texts. By way of example the author uses figurative means implementing the traditional for the Russian literature model of figurative transfer “Human being – Nature”. The special attention is paid to the analysis of complicated figurative units.

Key words and phrases: ornamental prose; Y. Zamyatin; B. Pilnyak; Vs. Ivanov; image; figurative line; invariant of an image; lexico-semantic means of a language; tropes.

УДК 821.161

Филологические науки

В статье анализируется композиция малоизученного произведения Аввакума – «Книги толкований и нравоучений». Вопреки распространенному взгляду на сочинения Аввакума как на тексты, представляющие собой свободный поток мыслей и ассоциаций, автор статьи обнаруживает внимание Аввакума к созданию определенной композиционной структуры произведения, соответствующей авторскому замыслу: в первой части «Книги» Аввакум, толкуя тексты псалмов и паремий, характеризует современную ему ситуацию, а во второй части, обращаясь к Новому завету, дает нравственные наставления, как жить в условиях преследований широким кругам народа, не принимающим церковную реформу.

Ключевые слова и фразы: композиция; толкования; поучения; повторения текстов; авторский замысел.

Сочива Татьяна Александровна

*Санкт-Петербургский государственный университет
sochiva@bk.ru*

**ПРОБЛЕМА КОМПОЗИЦИИ «КНИГИ ТОЛКОВАНИЙ
И ПРАВОУЧЕНИЙ» ПРОТОПОПА АВВАКУМА[©]**

«Книга толкований и нравоучений» – своеобразное экзегетическое и полемическое сочинение протопопа Аввакума, созданное им в земляной тюрьме пустозерского острога в 1673-1677 гг.¹ и посланная его духовному

[©] Сочива Т. А., 2014

¹ Н. К. Гудзий указал, что работа над «Книгой» была начата в 1673-1675 гг. [8, с. 438]. По мнению И. П. Смирнова, «Книга» была закончена в 1677 г. [13, с. XXXV].

сыну – Симеону, вероятно, в Москву. «Книга» состоит из толкований Аввакума на псалмы и паремии – фрагменты из глав Книги Притчей Соломоновых, Книги Премудрости Соломона, Книги пророка Исайи. Эти толкования, прерываемые авторскими обличениями никониан и осуждением церковной реформы патриарха Никона, продолжены отдельным текстом, озаглавленным в двух сохранившихся полных списках «Книги» – Богдановском [1] и Печорском [15, л. 116 – 215 об.] – «Нравоучение», оно содержит объяснения читателям, «что есть тайна христианская» и нравственные наставления «как жити в вере Христове» [6, с. 125]. В «Нравоучение» вошло толкование евангельской притчи о работниках одиннадцатого часа и обращения к Симеону, в которых описываются казни старообрядцев и неизбежное возмездие, ожидающее никониан.

Создание целой книги, состоящей из толкований на тексты Священного Писания, на Руси было явлением уникальным: древнерусские книжники хорошо знали святоотеческие толкования, однако, собственных экзегетических сочинений создавать не решались [5, с. 263; 16, с. 402]. От традиционного жанра толкований «Книга толкований и нравоучений» отличается обилием тем, выраженных в разных жанрах: помимо толкований «Книга» содержит обличения никониан, проповедь христианской жизни, эсхатологические предсказания, автобиографические рассказы Аввакума и т.д. При этом, о чем бы ни писал Аввакум в «Книге», во всём ощущается живая личность автора: Аввакум не скрывает своих эмоций и оценок библейских или современных ему событий и свободно говорит с читателем о собственных переживаниях. По силе проявления личностного начала и художественной выразительности отдельных фрагментов «Книга толкований и нравоучений» сопоставима с автобиографическим «Житием» Аввакума.

Несмотря на уникальность «Книги толкований», целостного анализа её состава, содержания и литературного своеобразия в научной литературе не существует. Есть только исследование А. К. Бороздина, выявившего некоторые источники, особенности стиля и «полемическую сторону» толкований Аввакума [2, с. 222], а также несколько общих замечаний о содержании «Книги толкований» французского исследователя П. Паскаля [14, с. 557-561] и издателей «Книги» – П. С. Смирнова [13, с. XXXII-XXXVI], М. Б. Плюхановой [17, с. 333-334] и Н. С. Демковой [11, с. 325-326] – во вступительных статьях к изданиям памятника. До сих пор остаются неизученными общая концепция «Книги», жанровое и тематическое разнообразие произведения, сходство «Книги» с другими сочинениями Аввакума и её отличие от них. Одна из проблем, встающая при изучении «Книги толкований и нравоучений» как единого текста, – это проблема композиции памятника, тесно связанная с вопросом о замысле произведения. Рассмотрение этой проблемы дает возможность понять, создавалась ли «Книга» как изначально единое произведение или она возникла в результате объединения Аввакумом разных сочинений.

В научной литературе закрепилось представление о том, что Аввакум пишет как говорит, не заботясь о структуре своих произведений. Так, в основополагающем исследовании художественной системы «Жития Аввакума» – статье В. В. Виноградова 1923 г. – «Житие» Аввакума описывается как «“рой воспоминаний”», которой мчится в стремительном потоке словесных ассоциаций и создает лирические отступления и беспорядочно-взволнованное сцепление композиционных частей» [3, с. 209]. Иначе подошла к проблеме композиции «Жития» Аввакума Н. С. Демкова, которая показала, что Аввакум, ориентируясь на традиционную композицию житийного жанра, выстраивал сюжет своего автобиографического «Жития», приближаясь к принципам литературы Нового времени [4].

Композиция «Книги толкований» специально исследователями не анализировалась, однако, мысль о случайной, зависящей лишь от свободных авторских ассоциаций, организации текста «Книги» высказывалась. П. Паскаль писал: «Каждый раз, когда Аввакум принимается за текст, он как будто сперва хочет добросовестно выполнить свою задачу. Он объясняет псалом 102 и делает ряд совершенно правильных нравственных выводов. И вдруг у него вырывается как бы восклицанием: “Ныне-же равны все здесь на земли; нечестивии же и паче наслаждаются”. При первом же удобном случае чувство его прорывается» [14, с. 557].

Цель настоящей статьи – показать, что Аввакум стремился к литературной организации текста «Книги толкований и нравоучений» и создавал её как единое цельное произведение, а не сборник несвязанных между собой толкований и «Нравоучения».

Первый вопрос, который возникает при изучении композиции «Книги толкований», – это вопрос о функции заключительных обращений к Симеону в составе «Книги». Начиная с изданий Н. И. Субботина [12, с. 200-212] и Н. К. Гудзия [8, с. 329-346], обращения к Симеону издавались как отдельные от «Книги» послания (см. издания Н. С. Демковой (Сарафановой) [9, с. 225-234; 10, с. 165-173] и А. Н. Робинсона [7, с. 146-154]). Нам удалось доказать, что вопреки установившейся традиции, обращения к Симеону не являются сопроводительными посланиями и входят в состав «Книги толкований». Кроме того, в рукописях, содержащих текст «Книги толкований», между «Нравоучением» и обращениями к Симеону нет никаких признаков разделения текста: нет не только заглавия, но даже отступов, маркирующих начало новой части произведения. Следовательно, «Нравоучение» и завершающие его обращения к Симеону воспринимались в рукописной традиции как единый текст.

Основу содержания «Нравоучения» составляют наставления Аввакума читателям – преимущественно мирянам из среднего сословия – в их повседневной жизни: Аввакум объясняет, как должны жить христиане в семье, обличает грех прелюбодеяния и грех пьянства, а также затрагивает темы, ставшие особенно актуальными в XVII веке – выступает против новых для Москвы XVII века наук («риторики и философии» [6, с. 132]), и в конце «Нравоучения» призывает своих единомышленников не бояться мученической смерти в огне: «с мученики в чин, со апостолы в полк, со святители в лик, победный венец, сообщник Христу... А в огне том здесь небольшое время потерпеть, – аки оком мгнуть, так душа и выступит!» [Там же, с. 144]. Несмотря на входящее в его состав толкование евангельской притчи, текст «Нравоучения» кажется инородным

по сравнению с предшествующими ему в «Книге» толкованиями на псалмы и паремии. По своему содержанию «Нравоучение» относится не к экзегетической литературе, а к дидактическому красноречию. Это отличие «Нравоучения» от толкований на псалмы и паремии было отмечено П. С. Смирновым, который дал сочинению Аввакума научное название – «Книга толкований и нравоучений», указав таким образом в заглавии произведения на объединение в его составе двух частей, восходящих к разным жанрам.

Не сомневаясь в том, что «Нравоучение» было включено в состав «Книги» самим Аввакумом, А. К. Бороздин, тем не менее, обращал внимание на различие в направленности толкований на псалмы и паремии и «Нравоучения»: исследователь указал, что «целью истолковательных сочинений» Аввакума является «обличение никониан» [2, с. 221-222], в то время как в «Нравоучении» «совсем незаметна» полемика с ними [Там же, с. 247]. Действительно, открытой полемики с никонианами нет почти на протяжении всего текста «Нравоучения», однако, в самом конце «Нравоучения» она всё же возникает. Ошибочное наблюдение Бороздина было вызвано тем, что исследователь вслед за Н. И. Субботиным не включал в состав «Нравоучения» заключительные обращения к Симеону.

П. Паскаль, ощущая очевидное отличие «Нравоучения» от толкований на псалмы и паремии, определяя функцию «Нравоучения» как заключение ко всей «Книге толкований»: «Чтобы составить заключение сборнику, который он имел в виду, именно своей “Книге толкований”, Аввакум составил более общее “Нравоучение, како житии в вере Христове”» [14, с. 560].

Таким образом, решение вопроса о цельности «Книги толкований и нравоучений» связано с определением места и роли «Нравоучения» в произведении. Анализ текста и содержания «Книги» убеждает в том, что «Нравоучение» является органичным продолжением толкований Аввакума на псалмы и паремии, частью единой авторской композиции «Книги».

Как мы уже отметили выше, то, что «Нравоучение» было объединено с толкованиями на псалмы и паремии самим Аввакумом, а не поздним редактором «Книги», доказал А. К. Бороздин, обратив внимание на такие чтения и фрагменты текста «Нравоучения», которые подтверждают «предположение о первоначальном единстве... истолковательных сочинений Аввакума», вошедших в состав «Книги толкований» [2, с. 243]:

1) призывая свою паству к покаянию в «Нравоучении», Аввакум отсылает читателей к первой части «Книги»: «возрите на вышереченное ниневитцкое покаяние и Манасино». Эти слова отсылают к толкованию 44-го псалма, в котором Аввакум, обращаясь к царю Алексею Михайловичу, говорит о покаяниях жителей Ниневии и иудейского царя Манассии, возводившего жертвенники Ваалу;

2) в «Нравоучении» Аввакум сравнивает себя с нищим человеком, который просит милостыню у Христа, апостола Павла, Златоуста (постоянно цитируемых Аввакумом в «Книге»), а также царя Давида и пророка Исаяи. Включение в перечень источников наставлений Аввакума имен царя Давида и пророка Исаяи, связывает текст «Нравоучения» с предшествующими ему толкованиями на псалмы Давида и пророчества Исаяи [Там же, с. 243-244].

Наблюдения А. К. Бороздина показывают, что «Нравоучение» писалось Аввакумом как продолжение толкований на псалмы и паремии. В отличие от выводов А. К. Бороздина, которые мы полностью разделяем, предположение П. Паскаля о том, что «Нравоучение» создавалось Аввакумом как заключение «Книги», не может быть принято. Во-первых, «Нравоучение», учитывая обращения к Симеону, входящие в его состав, оказывается очень объемным текстом, занимающим почти треть всей «Книги», что невозможно для заключения. Во-вторых, содержание «Нравоучения» более широкое, чем заключительные выводы, следующие из рассуждений Аввакума в толкованиях на псалмы и паремии. В толкованиях на ветхозаветные тексты Аввакум не только объясняет сам текст Ветхого Завета, но и стремится охарактеризовать современную ему ситуацию на Руси, объяснить, почему церковные нововведения являются опасной ересью. В «Нравоучении», в котором излагается евангельское учение Христа и его разъяснение апостолом Павлом, Аввакум объясняет читателям, как нужно жить в идеальном христианском мире и что нужно делать в «нынешнее» [6, с. 89] время, чтобы спасти свою душу.

Различная ориентация частей «Книги» – на разные книги Священного Писания приводит к созданию в них разных образов автора. Главные герои книг Ветхого Завета – это пророки и цари, поэтому в толкованиях на ветхозаветные тексты Аввакум рассказывает о согрешивших библейских царях (Давид, Ахав, Озия) и обличающих их ветхозаветных пророках (Нафан, Илия, Исаяя). В этой части «Книги» Аввакум и сам выступает в роли пророка, обличающего новую ересь – никонианство и призывающего к покаянию царя Алексея Михайловича, отступившего от старой веры: «О, царю Алексее! Покажу ти путь к покаянию и исправлению твоему... Еретиков-никониан токмо любиш, а нас, православных христиан, мучиш, правду о церкви божией глаголящих ти. Престан-ко ты нас мучить тово!» [Там же, с. 96, 98].

В «Нравоучении» Аввакум касается, в основном, вопросов мирской жизни. В этой части «Книги» Аввакум выступает как духовный отец, учитель, наставляющий своих читателей в главных христианских заповедях – любви к Богу и любви к ближнему, разъясняющий евангельские притчи, подобно Христу, поучая свою паству примерами из обыденной жизни.

Кроме того, оказывается, что «Нравоучение» тесно связано с началом «Книги» – с толкованием Аввакума на псалмы – не только общей идеей спасения души, но и повторениями, иногда даже совпадениями текстов, имеющих важное для мировоззрения Аввакума значение. До сих пор исследователями творчества Аввакума эта особенность организации текста «Книги» не отмечалась. Перечислим эти совпадения.

1. В толкованиях на псалмы и в «Нравоучении» содержатся обращения Аввакума к Симеону. В толкованиях на псалмы Аввакум излагает Симеону пророчества о приходе антихриста, проводя параллели с «нынешним» временем («Да что, петь, Симеон, миленкой, много толковать тово про антихриста тово?.. Одно

знай, – тайна уже деется беззаконию» [Там же, с. 91]). А в «Нравоучении» Аввакум неоднократно обращается к Симеону с горестными жалобами на грехи своей паствы («Чадо Симеоне, на горе я родился... Отраднее, чадо, Лоту в Содоме и Гоморе житие бысть, не желе мне в волокитах тех» [Там же, с. 140-141]) и с объяснениями смысла событий, связанных с реформой патриарха Никона: гонения, возведенные на него и других старообрядцев царем Алексеем Михайловичем [Там же, с. 141-142], принуждение православных христиан к принятию новых церковных обрядов и смерти вселенского патриарха Паисия Александрийского, судившего старообрядцев на соборе 1666-1667 гг. [Там же, с. 143].

2. В толкованиях на псалмы Аввакум восхищается самоотверженностью старообрядцев, которые «сами в огонь идут от скорби великая, ревнуя по благочестию» [Там же, с. 89]. О «самовольных мучениках» Аввакум пишет и в «Нравоучении»: «...а инии распались любовию плавав о благоверии, не дождавсь еретического осуждения, сами в огонь дерзнувшие, да цело и непорочно соблюдут правоверие...» [Там же, с. 142].

3. В толкованиях на псалмы Аввакум пишет о «любодеице» – апокалиптической блуднице – образ, символизирующий отступление Руси от благочестия: она «упоила Римское царство, и Полское, и многие окрестные решы (то есть, страны) да и в Русь нашу приехала во 160 году, да царя с царицею и напоила» [Там же, с. 77]. В «Нравоучении» Аввакум, рассуждая о возмездии, которое настигнет всех гонителей старообрядцев, упоминает о возможности войны с турками («Чаю, подвигнет Бог того же турка на отмщение кровей мученических» [Там же, с. 143]) и вновь использует образ апокалиптической блудницы: «Пускай любодеицу ту потрясут, хмель-ет выгонят из блядки! Пьяна кровью святых на красном звере ездит, расвирепев, имущее чашу злату в руке своей, полну мерзости и скверн любодаяния ея, сиречь из 3-х перстов подносит хотящим прянова пития и без ума всех творит, испивших ис кукиша десныя руки» [Там же].

4. В начале «Нравоучения» Аввакум, прославляя Господа, цитирует молитву, читаемую во время обряда крещения и Великого освящения воды на праздник Богоявления («Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя...» [Там же, с. 125-126]), но цитирует её без конца, завершая следующими словами: «...и главы тамо гнездящихся змиев стерл еси» [Там же, с. 126]. Продолжение этой молитвы Аввакум почти полностью включает в толкования на псалмы («Ты еси Бог наш, иже водою и Духом обновивый обетшавшее грехом естество наше...» [Там же, с. 96]) и меняет её конец: вместо традиционного поминовения «благородного и благоверного и христоролюбиваго государя», «всёя Русии самодержца» [19, л. 62] Аввакум молит Господа о спасении души «царя Алексея беднова» от «прелести» «новаго Ваала, злодея Никона со дьяволом» [5, с. 96]. Обращение Аввакума к этой молитве объясняется распоряжением патриарха Никона изменить традиционный обряд освящения воды, а именно, отменить его в самый праздник Богоявления [18, с. 445-446]. Кроме того, старообрядцы восприняли изменение текста молитвы как еретическое отступление от заветов отцов: в Великой челобитной, составленной известным противником реформы патриарха Никона – Никитой Константиновичем Добрыниным (Пустосвятом), подробно объясняется, почему изменение никонианами обращения к Богу, читавшиеся в старых требниках как «Тебе молятся звезды» на «Тебе собеседуют звезды» является еретическим [Там же, с. 380-381]. В «Книгу толкований», естественно, вошел традиционный текст молитвы.

5. В толкованиях на псалмы Аввакум пишет о загробных мучениях грешника, который «слушал никониан» и «пречестную икону Богородичну со престола согнал и прочая ереси любезне держал, а правоверных пек и огнем палил» [6, с. 81]. В «Нравоучении» иначе развивается та же самая тема: описываются мучения в аду римского императора «Максимияна» [Там же, с. 145] – гонителя первых христиан. В обоих случаях имя царя Алексея Михайловича не упоминается, однако, намеки на фигуру царя кажутся весьма прозрачными. Сходство между этими фрагментами из толкований Аввакума на псалмы и «Нравоучения» проявляется даже на уровне лексики (ср. толкования на псалмы, о грешнике: «Ну, безумной, видь стал осужден! Кто пособит?... Бедной, бедной! Пропал душою и телом... тебе же мука огненная и жупельная... Будет ти и самому жарко в день лют от Господа» [Там же, с. 81-82]; «Нравоучение», о царе «Максимияне»: «А мучитель ревет в жупеле огня... Бедной, бедной, безумной царшко! Что ты над собою сделал?... Ну сквозь землю пропадай, блядин сын! Полно христиан тех мучить! Давно тебя ждет матица огня!...» [Там же, с. 145-146]). Дерзкие слова Аввакума о царе Алексее Михайловиче делают текст «Книги толкований» беспрецедентным в традиции древнерусских полемических произведений.

6. В толкованиях на псалмы Аввакум пишет об одном из основных изменений в тексте Символа веры, против которого активно выступали старообрядцы: в традиционном тексте Символа веры о Царствии Божиим говорилось в настоящем времени, выражающем время вечное («Его же царствию несть конца»), которое входе книжной sprawy было заменено на будущее время («Его же царствию не будет конца»). В словах 102 псалма царя Давида – «Господь на небеси уготова престол Свой, и царство Его всеми обладает» – Аввакум видит доказательство греховного заблуждения никониан: «Не пресекается царство Его, и **Его же царствию несть конца**. Слыши, никониян, что глаголет пророк, яко вечно царство Господне и не пресекается временны. Аще блядословишь – на погибель себе, не по разуму говоря “Его же царству не будет конца”» [Там же, с. 77]. Придавая сакральное значение тексту Символа веры, Аввакум ещё раз использует эту традиционную формулу в «Нравоучении» при объяснении главной заповеди – любви к Богу и восхвалении Христа: «Седе на престоле херувимстве, вознесшеся одесную Бога и Отца, и **царствию Твоему несть конца**» [Там же, с. 125].

Эти совпадения в текстах толкований на псалмы и «Нравоучения» – не случайные повторы в разных сочинениях, отправленных Симеону, а сознательный литературный прием Аввакума, использующего повтор текстов, выражающих существенные для старообрядцев идеи и понятия: отступления Московского государства от старой веры, наказание, которое ожидает царя Алексея Михайловича за его гонения на старообрядцев и поддержку реформы патриарха Никона, изменения, внесенные в ходе церковной реформы в сакральные

тексты, и оправдание самосожжения старообрядцев, стремящихся спасти свою душу. Благодаря этим повторениям начало «Книги толкований» оказывается единым с «Нравоучением», а читатель усваивает из «Книги» наиболее важные, по мысли Аввакума, суждения о последствиях церковной реформы, губящей души людей. Обратим внимание на то, что эти повторы, несмотря на их идейное, эмоциональное и стилистическое тождество, лексически и синтаксически разнообразны: Аввакум не просто повторяет важные для него идеи, но каждый раз их излагает по-новому.

Таким образом, анализ «Книги толкований и нравоучений» показывает, как именно Аввакум устанавливает композиционные связи между всеми частями своего произведения: ориентируясь на традиционные жанры толкований и поучений, Аввакум создает на их основе новое по типу для русской литературы XVII в. полемическое произведение.

Список литературы

1. **Богдановский список «Книги толкований и нравоучений»** / РНБ, собр. Богданова, О.1.339. Конец XVII – начало XVIII в. 16°. Полуустав. 328 л.
2. **Бороздин А. К.** Протопоп Аввакум: очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. Изд-е 2-е, доп. и испр. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1900. XX, 320 с.
3. **Виноградов В. В.** О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь: сборники статей. Пг.: Издание фонетич. ин-та практич. изучения языков, 1923. Ч. I. С. 195-293.
4. **Демкова Н. С.** Житие протопопа Аввакума (творческая история произведения). Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 168 с.
5. **Демкова (Сарафанова) Н. С.** Неизданное сочинение протопопа Аввакума. Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачёв; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Акад. наук СССР. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 16. С. 257-269.
6. **Демкова Н. С., Сесейкина И. В.** Старейший (печорский) список «Книги толкований и нравоучений», найденный В. И. Мальшевым // Древнелетание Пушкинского Дома. Материалы и исследования. Л.: Наука (Ленингр. отд-ние), 1990. С. 73-146.
7. **Житие Аввакума и другие его сочинения** / ред., вступ. ст. и коммент. А. Н. Робинсона. М.: Сов. Россия, 1991. 368 с.
8. **Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения** / ред., вступ. ст. и коммент. Н. К. Гудзия. М.: Academia, 1934. 497 с.
9. **Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения** / под ред. Н. К. Гудзия; подгот. текста и коммент. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина, В. И. Мальшева, Н. С. Сарафановой. М.: Гослитиздат, 1960. 480 с.
10. **Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения** / подгот., коммент. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, Н. С. Демковой, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина; послесл. В. Е. Гусева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. 367 с.
11. **Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения** / подгот. текста, сост., вступ. ст. и коммент. Н. С. Демковой. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. 384 с.
12. **Материалы для истории раскола за первое время его существования** / под ред. Н. И. Субботина. М.: Изд-во Братства св. Петра митрополита, 1879. Т. 5. 391 с.
13. **Памятники истории русского старообрядчества XVII в.** Л.: Акад. наук СССР, 1927. Русская историческая библиотека, т. XXXIX. Кн. 1. Вып. 1. 960 стлб., XCVIII стр.
14. **Паскаль П.** Протопоп Аввакум и начало раскола / пер. с франц. С. С. Толстого. М.: Знак, 2010. 680 с.
15. **Печорский список «Книги толкований и нравоучений»** / БАН, собр. «Текущие поступления». № 105 (8779). Конец 1670 – 1680 г. 4. Полуустав и скоропись. 217 л.
16. **Плюханова М. Б.** О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. М.: Яз. рус. культуры, 1996. Т. 3. С. 380-459.
17. **Пустозерская проза:** сборник / сост., предисл., коммент., перев. отдельных фрагментов М. Б. Плюхановой. М.: Моск. рабочий, 1989. 364 с.
18. **Румянцев И. П.** Никита Константинов Добрынин («Пустосвят»): историко-критический очерк Ивана Румянцева. Сергиев Посад: Тип. Св. Тр.-Сергиевой лавры, 1916. 1079 с.
19. **Требник.** М.: Печатный двор, 1651. 769 л.

THE PROBLEM OF COMPOSITION OF “THE BOOK OF TALKS AND INTERPRETATIONS” BY ARCHPRIEST AVVAKUM

Sochiva Tat'yana Aleksandrovna
Saint Petersburg State University
sochiva@bk.ru

The article analyzes the composition of a little-studied work by archpriest Avvakum – “The Book of Talks and Interpretations”. Despite the popular view on Avvakum’s works as the texts representing themselves a free stream of thoughts and associations, the author of the article emphasizes Avvakum’s care for the creation of a certain compositional structure of a literary work in correspondence with the author’s intention: in the first part of “The Book” Avvakum, interpreting the texts of psalms and paremias, characterizes the situation at that time, and in the second part, appealing to the New Testament, gives moral admonitions how a wide range of people rejecting the Church reform should live under persecutions.

Key words and phrases: composition; interpretations; admonitions; repetitions of the texts; author’s intention.